

Ци Чжэнь устал.

Хотя Сяо Цимо, Сяо Хуацзюнь и его сын не произнесли ни слова, сидя в креслах, только благодаря хорошему самосовершенствованию они не повернули своих лиц.

Но дыхание этих двоих уже было очень холодным.

Зрители спереди и сзади легко это почувствовали, и все присели на корточки подальше от них.

Напротив, Лу Мянь была спокойна от начала и до конца. У нее такой характер, и она очень хорошо контролирует свои эмоции.

Хотя я давно все видел, меня это мало волновало.

Но мать и дочь Шао Юньсюаня так допрашивали матушку Сяо, что она не могла просто сидеть и смотреть.

Лу Мянь бросила успокаивающий взгляд на Ци Чжэнь и тут же лениво встала. Луч света в театре сразу же ударил в нее.

"Я здесь, чтобы дать тебе "чистоту"!" громко произнесла она, в ее чистом и влажном голосе чувствовалась холодность. Кроме того, если уголки ее рта изогнуты как попало, она кажется еще более высокомерной и непокорной.

В театре произошло некоторое движение, особенно несколько студентов Сюй Хуайинь, сидящих в последнем ряду, обсуждения были наиболее нетерпеливыми.

"Она действительно хочет быть на сцене?"

"Надо сказать, что это произведение действительно сложное. Я думаю, Шао Юньсюань сыграл очень хорошо. Эта госпожа Лу боится, что проиграет".

"Дело в том, что она ранена! Кто не знает, что рука пианиста - самое ценное, сможет ли она ее вырвать?"

"Эй, у меня теперь есть немного теории заговора. Может быть, семья Сяо действительно хочет воспользоваться этой возможностью, чтобы вытолкнуть эту мисс Лу. Бедная Шао Юньсюань, как бы хороша она ни была, может быть только пушечным мясом, и она будет счастлива!"

[illegible]

Сегодня Лу Мянь была одета в маленький черный костюм. После того, как она встала, она медленно расстегнула пуговицу пиджака правой рукой и небрежно стянула его, обнажив тонкую текстуру и высококлассный светло-голубой снег внутри. Вращающиеся рубашки.

Она бросила пальто на сиденье, и Сяо Цимо протянул руку и взял его, чтобы помочь ей сложить его.

Очевидно, что это просто действие по снятию пальто, но оно особенно приятно для глаз, воздержание и сдержанность, но у него есть уникальный стиль.

Ее кожа изначально была холодно-белой, а светло-голубая рубашка делала ее кожу более светлой и легкой. Она сжимала выбившийся волос в ухе, и под ослепительным преследующим

светом она оставалась независимой и презирала все.

После того, как Лу Мянью успокаивающе улыбнулся Ци Чжэнь, Сяо Цимо и Сяо Хуацзюнь, он направился прямо к сцене.

Пока она шла, она одной рукой сняла повязку с левой руки.

До того, как он повредил левую руку из-за борьбы с алкоголем, директору Ци приходилось каждый день перевязывать ее толстым бинтом цзунцзы, и ей приходилось снова и снова разбирать его.

Когда она вышла на сцену, бинты были почти сняты. Пять пальцев левой руки несколько раз небрежно шевельнулись, в точке Юйцзи все еще оставались шрамы, но состояние было неплохое.

Она небрежно положила марлю в карман брюк, ее жесты были непринужденными и естественными.

Шао Юньсюань не ожидал, что Лу Мянью действительно осмелится выйти на сцену, и некоторое время держал микрофон в оцепенении, прежде чем отреагировать.

Лу Мянью взяла инициативу в свои руки и взяла микрофон. Подставки не было, но она слегка посмотрела на Шао Юньсюаня и поджала нижнюю губу.

"Поскольку это любезное приглашение мисс Шао, то я буду играть непринужденно".

Просто поиграть...

Эти четыре слова привели Шао Юньсюань в восторг. Что это за место? Это Большой театр Цзиньцзин! Как можно позволить ей зайти просто так!

"Лу Мянью, не валяй дурака! Сколько кошечек ты знаешь?" Шао Юньсюань скрипнула зубами.

Лу Мянью оглянулась на нее, промолчала, но заставила Шао Юньсюань немедленно замолчать.

Под пристальным взглядом этих ясных и проницательных глаз Шао Юньсюань было очень не по себе, она чувствовала себя виноватой и потела без причины, а ее спина не была такой прямой, как раньше.

Она не понимала, почему она так себя ведет, только два слова прозвучали в ее голове - Аура.

Она могла только смотреть, как Лу Мяньюши дико улыбается и идет к роялю в центре сцены.

Она всегда чувствовала, что Лу Мяньюши собирается разрушить ее добрые дела...

Не успела она подумать о результате, как на сцене зазвучали ровные и умные ноты.

Все зрители в зале посмотрели на Лу Мянью.

Преследующий свет Шао Юньсюаня попал и на Лу Мянью.

Сюй Хуайинь, который готовился наблюдать за шутками в зале, потрогал свой подбородок, и не мог понять, в чем заключался сюжет. Почему вдруг появилась невестка семьи Сяо?

"Старый Кун, что ты думаешь по этому поводу?"

Куньян покачал головой, игнорируя Сюй Хуайинь.

Сюй Хуайинь ревниво потрогала свой нос, который был грязным.

Несмотря ни на что, просто наблюдай за волнением. В любом случае, Чу Конгу сегодня не повезло!

После того, как Лу Мянью успокоился, последовала серия плавных нот, похожих на водопад, и первоначально испытующие глаза Куньяна внезапно загорелись, как лампочка.

Зрители в зале также были ошеломлены.

Лу Мянью не стала начинать с самого начала, а выбрала только кульминационную часть.

Каждый ее палец, словно самостоятельная личность, гибко и быстро действовал на черно-белых клавишах.

Ей совсем не нужно было читать партитуру, она слегка прикрыла глаза, как инстинкт, точно, быстро и чисто отстукивая каждую ноту.

Ноль ошибок!

Ноль задержек!

Подгоняемый Куньяном, он снова поднял руки и сел на сиденье, следуя ритму Лу Мянью, бьющемуся от волнения и возбуждения.

Такая беглость, спускавшаяся рекой за один раз, заставила его мгновенно вернуться в страстные годы дирижирования оркестром.

Это правильный способ открыть "Времена года"!

В этом суть "Времен года"!

"Высокий, действительно высокий уровень!" Куньян продолжал говорить.

Сюй Хуайинь идеально кивнул. Неожиданно оказалось, что у этой мисс Лу есть какие-то способности, и этот вопрос становился все более интересным.

Ци Чжэнь выдавил пот и обеспокоенно посмотрел на сцену: "Это все моя вина, травма Мянью все еще не зажила!".

Сяо Цимо посмотрел на свою мать и потер виски.

Даже если травма не зажила, она может выполнять такие сложные навыки, как прыжки, тремоло и т.д. Она может играть на пианино...

Я боюсь, что будет еще одна волна грабежа.

Устала.

Зрители опьянели, но Лу Мянью уже остановилась.

Она легко встала, казалось, не привязываясь к сцене, и, взяв микрофон, вернулась к Шао Юньсюаню, уставившись в другую сторону.

Глаза Шао Юньсюань были полны ужаса, и она продолжала отступать, не смея смотреть на Лу Мянью.

Как такое может быть?

Как так получилось!

Как Лу Мянью могла играть так гладко?

У нее ушло столько времени, а она не смогла достичь такого уровня даже после покадрового просмотра видео. Как ей это удалось?

Лу Мянью посмотрела на Шао Юньсюаня, которого все больше мучила совесть, и не стала много говорить, а сказала негромко: "Вообще-то, это произведение не называется "Четыре сезона"".

"..." Лицо Шао Юньсюань было бледным, она прикусила губу и промолвила.

"У песни не было названия, но теперь я думаю, что название "Ма Бянь" вполне подходит. Мисс Шао, что вы думаете?"

Закончив говорить, она фыркнула и вложила микрофон обратно в руку Шао Юньсюань. Не дожидаясь ответа Шао Юньсюаня, уголок ее рта скривился в злобной гримасе, и она неторопливо ушла со сцены.

На нее смотрело так много глаз, что она этого не замечала.

Как она сказала, когда она вышла на сцену, она действительно просто играла...

В театре раздался гром аплодисментов.

Шао Юньсюань отчаянно сжимала микрофон и ошеломленно стояла в центре сцены, не в силах произнести ни слова...

<http://tl.rulate.ru/book/75253/2572047>